

«ОКОЁМ»

С 18-го по 21-е октября 2018 года в Витебске (Республика Беларусь) состоялся XXXII Открытый фестиваль авторской песни, поэзии и визуальных искусств «Витебский листопад – 2018», на который съехались около двухсот участников из девяти стран мира. Он начинался в 1987 году как городской праздник авторской песни. В 2016-м, с приходом нового руководителя проекта, фестиваль претерпел основательное реформатирование. Теперь, кроме авторской песни, здесь представлены поэзия, живопись, театральные перформансы.

Организатором фестиваля выступил Центр культуры «Витебск», при поддержке Витебского городского исполнительного комитета. Руководитель проекта – Владислава Цвики, кураторы поэтической части фестиваля – Елена Крикливец и Олег Сешко. Мероприятия проводились в помещениях центра культуры «Витебск», концертного зала «Витебск», выставочного зала «Духовской круглик».

Значительное место на фестивале этого года было отведено поэтической составляющей. Организованы «Турнир поэтов», «Уличное кафе» с открытым микрофоном, «Дни портала «Stihi.lv», поэтический концерт «Наречия рек» и, конечно же, – финал Открытого конкурса авторской песни, поэзии и исполнительского мастерства «Витебский листопад – 2018». В номинации «Поэзия» победители определялись в двух подноминациях: «Свободная тематика» и «Юмор». Лауреатами 1-й степени стали Марина Крутова (Гверь, Россия) и Павел Соловьёв (Гродно, Беларусь) соответственно.

Кроме дипломов фестиваля, которыми наградили лауреатов конкурса, некоторые из наиболее ярких его участников получили призы симпатий известных литературных изданий России, Беларуси, Франции, Украины, решивших в этом году оказать фестивалю информационную поддержку. Литературно-художественный журнал «Южное Сияние» (г. Одесса, Украина) установил свой приз симпатий – публикация подборки стихов участников из числа финалистов. Его обладателями стали: Саша Морозов (г. Смолевичи, Беларусь), Саша Ирбе (г. Москва, Россия), Светлана Носова (г. Брянск, Россия), Галина Андрейченко (г. Минск, Беларусь), Марго Волкова (г. Минск, Беларусь) и Диана Рыжакова (г. Москва, Россия). С чем мы их и поздравляем.

САША МОРОЗОВ

Смолевичи Минской области

ГОРОД N

Этот город давно притворяется добрым и милым,
заливая в подвалы зрачков веселящий неон.
В телефонном талмуде не осталось знакомых фамилий,
значит, можно без лишних гудков отключить телефон.
Здесь господствует норд, беспросветные МРЭКи и мраки,
вот и думай, срываясь с насиженных ширсов и гнезд, –
то ли щепкой прильёт к берегам постаревшей Итаки,
то ли гаупой пушинкой застрянешь в ажурности звёзд.

Этот город устал от заезжих театров и мэров.
Здесь свои не в чести. Здесь своих не осталось совсем:
кто-то вышел в окно, остальные в кирпичных вольерах
у гламурных кормушек безоблачно ждут перемен.
Здесь и цепи молчат, не считая бродячей собаки,
прибывшей на праздничный запах вчерашних пиров.
Из подсказок Судьбы – за окном лишь дорожные знаки
с указанием всех проходных (и не очень) дворов.

Этот город привык к веренице дырявых карманов,
подбирая с асфальтовой паперти мелкую жизнь.
Снег ложится на ржавые рёбра безбашенных кранов,
не успевших при жизни увидеть свои этажи.
Забредут ли сюда на постой перелётные птицы,
осенят ли их дробью слепые охотники влёт –
я не знаю кому, но я знаю, что буду молиться
за себя и за птиц, и за тех, кто сюда не придёт.

И ЗВУК, И СЛОВО, И ЗВЕЗДА...

...снежинки маялись в горсти,
дыша неволей еле-еле,
мои простывшие «прости»
зодиакальностью болели,
цепляя сны и провода,
мелькали в хаосе метельном
и звук, и слово, и звезда –
несовершенные раздельно,
все эти буквы в до-диез,
все эти ноты вне бумаги –
с наивной верою и без
оглядки, плана и отваги
спешили с грустью в благодать...

...камина убажывая чрево,
горела в клеточку тетрадь,
и что-то в клеточках горело,
и кто-то, вечно не такой,
под безутешною луною,
прощаясь, мне махнул рукой,
всё так же оставаясь мною...

РУССКИЙ ЯЗЫК

...русский язык находится в языке
колокола поэта костра пророка
бьётся в гортани в бронзе в «Двенадцати» Блока
вырви и вроде бы мёртвый молчит в руке
в коме в белой горячке в седой пыли
температурит буквами бредит словом
скулит почти по-щенячьи когда послышно
бинты снимают под ласковое «Delete»
в чёрт-те-какой палате лежит нагой
вглядываясь в глаза потолка и лица
видя как просто люди и сложно птицы
мокнут под затяжными «Exit» и «Go»

слыша как над бумагой молчит рука
и огрызаются строчки на лай латыни
русский язык бессмертно присно и ныне
где-то на уровне совести и ДНК...

САША ИРБЕ

Москва

КОММУНАЛКА

Я хожу с потускневшим лицом,
потому что живу с подлецом.

Нет, ни с мужем, ни с чёрствым отцом,
а с соседом в лихой коммуналке;
в сером доме с шикарным крыльцом
и с помойкой в готической арке.

Говорят: «Коммуналка мертва!».
Только лживы такие слова!

В нашем доме, как будто в Содоме,
всё живёт,
светлых радостей кроме.
Бесконечные крутятся страсти:
зависть, злоба, желание власти.
За кастрюли воюем на печке,
бестолковые мы
человечки.

Мой сосед – алкоголик и бабник:
если что-то случится – дерябнет,
если кто-то ему что-то скажет –
кулаком со всей одури вмажет.

И соседка – пропойца и шляуха –
все к дверям прижимается ухом.
Нет... Она-то ни с кем не скандалит.
Суп под утро в половнике варит.
Просыпается с ликом мегеры,
если кончились все кавалеры.

А за стенкой хирурги лепечут,
что всю жизнь этих идолов лечат...
Дома, в морге – все схожие морды.
Наша жизнь – жаркий трепет аорты.

Мировые решаем задачи:
кто на что сколотил себе дачу,
кто ведро своровал, кто клеёнку,
кто дал водки грудному ребёнку.

А хирург?! Двадцать лет, как мечтает:
«Коммуналки Господь расселяет!»

Уже выросли дочки и внучки,
поколение четвёртое кошек,
а в сознании его хоть бы тучка,
хоть сомненья мельчайший горошек?!

Свято верит в чудесное «завтра».
Только, жаль, я не верю нисколько
и под книжку бездушного Сартра
пятый день наблюдаю попойку.

В нашем доме с шикарным крыльцом
ходят все с потускневшим лицом.

А. БЛОКУ

Александр Александрович,
снова пребуду я с Вами!
Выпит чай и стихи,
точно умерли,
в горле ни зги.

Отравилась я, что ли,
сегодня своими стихами?
Точно тучи бегут надо мною
и бродят круги.

Александр Александрович,
сложно теперь не заметить,
если что-то случится,
спешу не к любимым,
а к Вам.

Там, за синей горой,
этой ночью свирепствует ветер
и проклятая морось,
как лава,
гремит по гробам.

Не о том я сегодня...
Всё призрачно стало
и больно!
Там уходят солдаты,
и женщин с детишками бьют.

Там в кошунственный бред
каждый миг превращают неволью
все возможности светлых
и самых счастливых
минут.

Александр Александрович,
кончен век страшный,
двадцатый...
Мир не сделался проще.
В нём прежний живёт человек.

На полях – колени,
в деревнях – те же нищие хаты
и безмолвные тел
обрамляет созвучие рек.

Жизнь – война. В ней, увы,
кто воюет,
тот чаще и правит!..
Александр Александрович,
помните боль той войны?..
Александр Александрович,
тихо над бездной
вздыхает,
за Андреем Андреевичем
просит её,
«Типпины!»

А МНЕ СЕГОДНЯ НЕ ДО СМЕХА

А мне сегодня не до смеха.
Сегодня не до смеха мне:
что для других теперь потеха,
то для меня – птенец в огне.

Не знаю даже, как случилось
и почему произошло.
Семья жила. Семья разбилась.
Семья поранила крыло.

Ей не летать, а вам – не падать,
и тщетно я играю роль.
Смотрите же на мой упадок!
Где мой король?

Какие дружеские речи?..
Была семья и нет семьи.
Твердите, ну же: «Будет легче!» –
друзья и недруги мои!

Любуйтесь, как в тяжёлых лапах
из недоверья, сплетен, лжи,
упала эта птичка на пол.
Кругом кричат: «Держи!.. Держи!..»

Зачем же мне держать бедняжку?
Бедняжка больше не взлетит.
В одну-единственную чашку
луна всю ночь теперь глядит.

Здесь всё имеет свои сроки
и свой трагический исход.
Пока вы счастливо живёте,
но всё исчезнет. Всё – пройдёт.

СВЕТЛАНА НОСОВА

Брянск

ТВОЙ ГОРОД

твой город – деспот.
твой город – демон.
ему не в тему твои проблемы.
постичь захочешь его системы –
сплетёт интриги стальных оград.
не поминай этот город всуе,
он на щитах не тебя рисует,
рычит, оскалив клыки сосулук,
даёт понять, что тебе не рад.

здесь так легко затеряться в спаме.
а ты болейшь его огнями,
его проспектами, площадями,
готов в объятья к нему упасть.
но город щерится, тянет лапы
своих мостов.
он не терпит слабых,
да не упустит момента, дабы
сомкнуть бетонную злую пасть.

но если ты преклонишь колена
и станешь пленным его вселенной,
он показательно и надменно
пропишет, кто здесь и царь, и бог.
и, ощутив, что минорно дышишь,
что обездвижен, уныл и выжат,
нажмёт на клавишу скользкой крышки
и распечатает некролог.

БЕЗ ОПРЕДЕЛЁННОГО

Она – пылинка в жизненном бедламе.
Ей не везёт с делами и тылами,
И даже с равновесием весов
«Не катит»... Как в комедии с Ришаром.
Лишь катит осень в платье обветшалом
Расколотой фортуны колесо.

Легко ли жить, ничем не обладая?
 Но жизнь – она не жила золотая,
 А жёсткий опыт на разрыве жил...
 Кольцо судьбы сжимается упруго,
 А выпадешь из замкнутого круга –
 И нет тебя. Как будто и не жил...

...Она бредёт, заглядывая в лица,
 А в них – тоска... и хочется напиться
 Бесплатного осеннего дождя,
 Упасть в объятия старого трамвая
 И ждать, куда же выведет кривая,
 Став самой отрешённой из бродяг...

Набрякло время в сырости подвала.
 Амбициозность города достала,
 Как достают сквозь куртку холода.
 Её удел – бродить по полумраку
 И называть бездомную собаку
 Единственной подругой.
 Навсегда.

КОГДА ТЫ ВОЗВРАЩАЕШЬСЯ ДОМОЙ

Когда ты возвращаешься домой из странствий, дни становятся короче, сочнее краски, ласковее ночи... Тревоги остаются за чертой седого мха на стареньком причале.

Твой друг-рюкзак скучает за плечами – болван, набитый скарбом и мечтой. Всё – позади. И всё же – впереди.

Густой закат над озером алеет. Бредём домой по липовой аллее. Не говорим. Прищурившись, глядит остывший день. Не клеится беседа... Но радуюсь, что мне скупое лето немного счастья выдало в кредит.

Вот наш ручей. Он снова обмелел, трава вокруг подсохла, стала жёстче, чем по весне. Ты помнишь наши ночи здесь, у ручья?..

...Всему есть свой предел...

Обнимешь, улыбнёшься и ответишь, что существует истина на свете, и не в вине, а в этой вот воде...

И будет ночь терпка и горяча. И новый день нахлынет панацеей. Пройдут дожди. Трава зазеленеет. Привыкну спать у твоего плеча.

Но такова действительности суть: попутный ветер – брат тебе по крови. Причал, нахмутив моховые брови, тебя опять отпустит в долгий путь, час от часу тоскливей и нелепей, играть станет в лодочные цепи...

И так всегда.

Мне снова не уснуть...

ГАЛИНА АНДРЕЙЧЕНКО

Минск

БЕЗВЕСТНЫЙ АВТОР

1

А вечер скудный, вечер бедный
 венчал протянутые руки,
Чужое Жалобное море
 и в стену втиснувшийся гвоздь.
А в задверном прогорклom стуже
 слышна разгневанная бездна.
Не спит, подёрнутая молью,
 её трагическая плоть.

Здесь под замочною печатью
 грустит игрушка – тесный город,
Где запылённый строй бокалов
 мечтает вырваться на свет.
– Я к Вам пишу... Не отвечайте,
 на жизнь ответа слишком мало...
Но там, в земле застрявший голос
 из заточенья шепчет: «Нет...»

Озноб и кашель: это завтра,
 а послезавтра грянет пекло,
Но плащ на вешалке старинной
 застыл, как вечный приговор.
Я Вас люблю, безвестный автор,
 мы разломались на два века,
На два окна чужой гостиной,
 ослепших, глядя в мутный двор.

2

Протестует в ступенчатом горле кофейный эрзац,
В ледниковом кочевье погрязла осенняя почта,
Я читаю в забытой прорехе поникший пейзаж
По избитым слогам, по растрёпанным буквам и точкам.

Долевое сопранo влетит в облицованный щит,
И последние хрипы из трещины свесятся на пол.
Очарованный служка хлебает тюремные щи
Долговязым гобоем, который допел и доплакал.

Завтра высадят окна во все времена... А пока
Небо сучило звёзды на выкате плазменной ночи,
Серый в яблоках чайник свистел в ипподром потолка,
Утепляя туманом не слишком застенчивый почерк.

ОСЕНЬ

Серые листья
 ждали до полусмерти
 Не отрешенья –
 ждали далёких рук.
 Ломкие жизни
 падали на рассвете
 В терпкую осень
 так незаметно, вдруг

Двери пугали,
 гости стучали в воздух,
 Важных перчаток
 лопались пузыри.
 Сгорбленный праздник
 (лучше бы без вопросов)
 Тосты развесил. –
 Лучше бы не мудрил.

Вспыхивал вечер
 и зеленело зелье,
 Приоткрывая
 подлинники пустот.
 Всё, что угодно –
 только бы не на землю!
 Ах, неминуемо! –
 Только бы не пластом.

МАРГО ВОЛКОВА

Минск

СВОЁ

Мир мой в себе содержит несколько человек.
 Умер один. У второго путаница в голове.
 Три старика беспомощных отбрасывают балласт.
 Два перспективных подростка, наш плодородный пласт.
 Малочисленные родственники, невидимые друзья.
 В центре великолепия помещаюсь, конечно, я.
 Как говорится, торпеда соответствует кораблю.
 Я вас люблю.

Жизнь, взяв меня за шиворот, держит, но до поры.
 Собственно, все повязаны, от взрослых до детворы.
 Как же нас много, господи, куда же нас всех, куда?
 Будто для утилизации созданы города.
 Что нас лечить и пестовать, конца нам и края нет.
 Каждому дай работу, крышу и горсть монет;
 Но чтобы прожить до зарплаты, лучше бы по рублю...
 Я вас люблю.

Вот в электричках дачников неистребимых рать
Едет свои пять соточек в листики целовать,
Чтоб убедиться: точно ли крокусы зацвели;
Чтоб растереть в ладонях пару комков земли...
А за стеклом замызганным важно плывут поля,
Место под солнцем прячут застенчиво тополя,
Место для жизни отдано полыни и ковыляю.
Я вас люблю.

Сверху вниз – мне не светит, но, в общем-то, обойдусь.
Снизу глядишь на звёзды, думаешь: чёрт с ними, пусть.
Пусть асфальт и бетон. И набитый битком трамвай.
Ты навсегда меня, господи, городу не давай.
Я разбираю по буквам его монотонный язык,
Но это ещё не значит, что город ко мне привык.
Пора наконец торжественно с шеи снимать петлюю.
Я вас люблю.

СВОБОДУ КАПЛЯМ!

Быть первым всегда опасно, но так революционно!
Юнцы шли в атаку страстно и бились о лёд со звоном!
Кричали: «Свободу каплям!», сверкая студёной кровью,
И метко втыкали сабли в ледовое поголовье.

Сосульки рыдали сладко, целуя детей в макушки.
На подвиги капли падки, как будто им жизнь – игрушка!
Оскалившись, злые лица коты обращали к небу:
Им капли мешали биться за кус кошачьего хлеба!

Рискованный и провальный, но как был порыв неистов!
Вороны «Виват!» кричали, приветствуя анархистов.
Под птиц картавые клики гремели аплодисменты,
И каплям вручались блики в торжественные моменты.

Внизу, напивавшись кровью весенних бойцов беспечных,
Над глупым их поголовьем, раздробленным и увечным,
Треща, потешалась льдина и, скалясь, лоснилась сыто.
Смотрела, как войско стынет, гладала юнцов убитых.

А звёзды весной зубасты, и солнце пока – не в силе.
И первопроходцев каста в полёте к земле остыла,
И вот уже мерно обувь утожит вечерний кафель...
А всё же – какая проба у глупых весенних капель!

ПОЛНОЛУНИЕ

Луна – лишь подобие звёздной сферы.
И спичка банальная светит лучше.
И волки – не оборотни, а звери,
Ни больше, ни меньше, в любом из случаев.

Здравствуйте, волки. Пожалуйста, ближе.
Луна на сносях, осторожней – опасно.
Желает вас трогать, склоняясь ниже,
За спины, за морды, за горла страстные.

Видите, волки, поджарые рати? –
Время пришло вам явить манеры:
Пойте присущее вашей братии!
Не ограничивайтесь полумерами!

Слышите, волки?.. Притихла планета...
Время покинуть ночное вече.
Вам ли не ведать? Опасно это,
Ведь начинается вой человечесий!

Волки, уйдите. Поберегитесь!
Ужас восстал и продлится долго.
Прячьтесь волчат, хоронитесь, бегите!
Глубже забейтесь в надёжные логова!

Вы ведь о прошлом Луне вещали,
Вы раздвигали времени клещи.
Брезгают люди такими вещами,
Глупые люди, мужчины и женщины.

Тянется в будущее из прошлого
Вой всепланетный пока что втуне...
Спите же, волки, всего хорошего,
И да спокойного вам полнолуния.

ДИАНА РЫЖАКОВА

Москва

КОЛОДЦЫ

Между ропотом и тишиной дубрав
залегли колодцы – глубокие борозды,
из-под серых шляп облаков,
из-под чёлок некошенных трав
судный взгляд колодезной,
мёртвой теперь воды.
Говорят старухи, – здесь жили цветные сны,
говорят, дружили с добротной, лесной землёй
летние стрекозы из парусины,
вилились над изъезженной колеёй.
Солнце доходило до зеленей,
мяло землянику, ладонь кропя,
птахи-соловьи, нахлебавшись сбитней,
распускали ноты до самых пят,

кольцевали небо, за годом год
прирастали хлебом и молоком.
Всё пропало.
В красный развёрстый рот
колокольный звон, водянистый ком.

ИБИС

Нелепица – белое крыло в ветвях,
то ли это облако смотрит в прорезь века,
то ли это яблоня, то ли это я
лепестком машу – не приехала.

Ты сидишь у окна, запелёнута в тёплый свет,
справа тросточка, слева радио
голосит, как проклятое, сосед
обещает всё, да не наладится.

Раз в неделю к мусорщику с мешком,
по средам молочница у калитки,
говоришь эзоповым языком,
с молоком и щами на пол пролантыми.

Дворик невесомый из пустоты
проступает вечером, дыры, дыры,
это не метафора, но кроты,
яростно захватывают твой мир.

По дороге двигаются толпой,
сосенки, уложены на катафалки,
мы и сами пришлые, с Рыбинской
прилетели, здравствуйте, нам не жалко.

В дни войны здесь, в доме иконостас,
все углы намоленные, и присно,
и крыло, и кто же вчера сказал –
кулики, овсянки, вдруг это ибис?

ОЗЕРО

Круглое озеро – глаз позабытой земли,
в детство распахнутый, синий, огромный, блестящий,
выкупай, выкупи чёрные мысли мои,
дай настоящее, выдай моё настоящее.
Будут раскинуты руки и ноги босы,
кожаный, стильный рюкзак безнаказанно скинут,
беглые капли гусиной, шипящей росы
лягут под кожу, подоткнутые под спину.
Что-то вонзится в ключицу – включится мой день
в гонку за ветренным, в очередь к небу, пробьётся,
и облака – многорядная ветхая лень –
распеленают сегодня рождённое солнце.